

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА КОРПОРАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Макроэкономические преобразования, усилия российской политической элиты по развитию рыночной экономики в 90-х гг. прошлого столетия способствовали расширению предпринимательской активности населения, росту воздействия структур миро-экономики на российский социум, избирательной рецепции бизнес-технологий, но не повлияли на выработку адекватного концепта рыночной экономики на социетальном уровне, не привели к формированию эффективных установок реализации человеческого потенциала на национально-психологическом уровне, не представили стимулов для генерализации представлений о положительных свойствах данной экономической модели в массовом сознании. Иными словами, в условиях того, что модернизация носила не демократический, радикально-элитарный характер (Красин Ю. А.) в предшествующий период, не было четкого понимания того, какие агенты экстраполяции экономических и политических усилий государства в социальную среду могут быть сформированы на микро- и мезоуровне социальных отношений для аккумуляции позитивных представлений о произошедших изменениях и, главное, для генерации позитивного опыта экономических и социальных практик на будущее, передачи наработанного практического и социального капитала в социальный и культурный фонд будущих поколений. То есть, можно предположить, что успешные с точки зрения политических целей макроэкономического строительства, реформы не привели к строительству, созиданию в социальной сфере и не создают, не формируют социальную ткань будущего.

Болгарские социологи [1], наблюдавшие за трансформационными изменениями в странах Восточной Европы, пришли к выводу, что трансформационные процессы сопровождаются сохранением привычных ценностных ориентаций на микросоциетальном уровне, своеобразным торможением реформ в социальной среде, когда действия генерируемых реформами факторов изменения экономического поведения и социальных установок сдерживаются устоявшимися нормами и традициями.

Однако в современном мире в целом подобные положительные установки генерируются с большим трудом. Еще начиная с середины 50-х гг. XX столетия авторы Франкфуртской школы от-

метили неблагополучие в социальной, культурной сфере современного им общества, отметили, что в жизнь вступает «одномерный человек» (Г. Маркузе). И. Томонобу, определяя состав среды обитания современного человека, говорит о ней как о «циркумстанции», технологии, которая, как когда-то природа, стала нашей новой средой обитания, имеет свои собственные цели, которые независимы от человеческих, «поскольку технология как среда, как бытийная тотальность машинных образований, сама определяет свое направление развития» [2]. Японский исследователь пишет о том, что технология имеет собственную семантическую коммуникационную систему, основными элементами которой являются буквы алфавита и числа, и в силу этого меняет содержание, «природу» нашей памяти. Если раньше память была направлена в прошлое, в историческую перспективу, на классические тексты и основные принципы умственной деятельности, имела свой собственный смысл, свои собственные суждения, обозначающие его (значение социокультурной сферы и конкретно культуры здесь заключается в том, чтобы оживлять образы или значения, предшествующие культурные и социальные образцы), то в нынешней общественной ситуации память не имеет отношения к культуре. Она превратилась в оперативную силу, способную открыть дверь при помощи шифра или делающая возможным повседневное общение при помощи знания телефонных номеров, в гигантскую систему технологических образований для совершения как очень хороших, так и очень плохих дел на расстоянии «посредством знания необходимого секретного шифра» [3]. Вывод автора, представителя национального сообщества, которое, быть может, в самые кратчайшие сроки перенеслось в новый, супертехнологичный век, неутешителен: *«Мы не отчуждены машинами, технологией, но внутренне изменились под ее воздействием, мы – существа вырожденные»* (Выделено автором. – Л. И. В.) [4].

В условиях современного информационного общества большинство ценностных установок на Западе изменяется. Казалось бы, нет ничего отрицательного и негативного в том, что профессия биржевого трейдера или другая, кстати, сверхвысокооплачиваемая не приводит к формированию ценностных представлений, необходимых для всего общества. Плохо то, что в этих условиях другие профессии как главное поле активности человека нивелируются, деятельность Homo Sapiens превращается в придаток машины или компьютера настолько, что в ней иссушается всякое представление о человечности, плохом и хорошем, добре

и зле, уступая место плюсам и минусам на электронном счете работника (что, видимо, лежит в природе первоначальной версии рыночной экономики). Плохо, что деятельность человека, обладающего набором человеческих душевных качеств, становится барьером для реализации этих качеств и передачи их для будущих поколений людей (Выделено автором. – Л. И. В.).

На Западе получил широкое распространение анализ аномии, атомизации общества, разрушения большинства общественных связей. Но какие позитивные уроки были извлечены из этого научного анализа?

В условиях засилья таких негативных процессов не образуется общество, или общество в условиях новой социальной реальности превращается в необщество, в иную реальность, где нет места человеку как носителю родовой человеческой сущности?

На Западе, после выхода работ П. Верилио [5], и у нас в России получили развитие исследования медиатехнологий, которые, по мнению авторов, являются главной причиной изменений в современном мире, того, что многие процессы носят искусственный характер, являются примерами успешных политических технологий на основе медийных каналов. Но так ли это? Может быть, социальная ткань действительно превращается в эрзац вследствие того, что не технологии оказывают такое разрушающее влияние, а в обществе утеряна программа передачи необходимого культурного образца как борьбы за духовность и самого себя? Насколько мы можем оставаться бездумными и безумными в своем бездумии? Нужно ли нам туда, где сегодня находятся японское, американское, отчасти европейское сообщества? Будем ли мы стараться отойти от края пропасти или прыгнем в нее вслед за «архипелагом Рублевок» (В. В. Петухов)? Думается, что каждый человек должен быть ответственен в своем поведении, и необходимо опомниться.

На протяжении четверти века россияне испытывают через экономические, политические, социальные институты массированное воздействие ценностей экономического успеха и других принципов рыночной экономики. Данные социологических исследований, которые приводят отечественные исследователи [6], однако показывают, что 60 % респондентов отмечают истинные моральные ценности как не подверженные времени, отмечают, что не стоит размениваться на материальный успех в ущерб им (55 %), думают о выборе курса национального развития, беспокоятся об угрозах в адрес страны (сращивание бюрократии и оли-

гархии россияне называют второй по значению угрозой демократии; в 2004 г. так считали 15 % респондентов, в 2006 – 24 % [7], а летом 2010 г. индекс общественного протестного потенциала вырос сразу на 2 пункта (с 31 до 33) [8]; в качестве главной угрозы (45 %) респонденты называют социальное расслоение, что также свидетельствует о том, что граждане нашего государства задумываются о своем будущем [9]).

Российская цивилизация как историческая общность, обладающая уникальными социокультурными характеристиками, на протяжении длительного периода формировалась под воздействием стратегических угроз по отношению к национальной, этнической и конфессиональной идентичности ее народов. Содержание политико-правовых механизмов, опора на мобилизационный тип развития и коммунитарность как наиболее эффективный вектор системы социальной интеграции представляют основной смыслообразующий концепт социетальной безопасности, т. е. безопасности всего общества, который сформировался в процессе исторического развития и стал основой взаимодействия институциональной структуры общества и индивидуально-ценностного сознания россиян как общности, разделяющей представления об историческом прошлом и настоящем, всемирно-исторической миссии нации и типе этатистской идеологии как особой системе мировоззрения.

Выработка стратегии государственного развития в условиях достижения периода экономической и политической стабильности в нашей стране на фоне поиска наиболее эффективных моделей повышения внешней инвестиционной привлекательности целых регионов мира заставляет задуматься, с одной стороны, о реализации широкомасштабных государственных проектов совершенствования социетальной сферы и выработке механизмов по преодолению негативных последствий трансформации экономических институтов для нескольких поколений россиян, а, с другой, – о развитии программ, которые бы на микро- и мезоуровне способствовали аккумуляции позитивных социальных ориентаций предшествующего периода, и, по сути, представляли собой программу поддержки ныне живущих активных групп населения в транзитивный период, что, несомненно, делает актуальным исследование на эту тему.

Корпорация представляет собой совокупность лиц, объединившихся для достижения общих целей, осуществления совместной деятельности и образующих самостоятельный субъект права.

Корпорация в современных условиях есть организационное сосредоточение модели современной экономики, что позволяет не отвергать предшествующий опыт развития социального капитала и использовать данную форму для формирования нового, институционального имиджа корпорации как основы развития усилий по формированию средств социальной политики мезо- и микроуровня. Корпорация есть сообщество людей, и ее необходимо наполнить содержанием национально ориентированных моделей экономики.

В современных условиях нужно сознательно добавлять к экономическим усилиям духовную составляющую, осуществлять шаги, позволяющие нивелировать негативные последствия техногенных изменений, постепенно войти в режим агрегирования общества (Леусенко И. В.), соединения его разбитых начал на основе нового содержания социального действия и социальной политики. Подобные задачи невозможно решить исключительно средствами государственной политики, прямой реализации федеральной или региональной программы. Данные мероприятия могут быть только частью сотворчества на основе изучения и раскрытия каналов конструктивного коллективного развития.

Сегодня мы находимся в условиях национального вызова, который требует преломления личностных качеств в фокус благополучия нации, работы над собой.

Примечания

1. Comparative Anomie Research: Hidden Barriers – Hidden Potential for Social Development / P. Atteslander, B. Granshow, J. Western (eds.) ; Swiss Academy for Development. Aldershot ; Brookfield, USA ; Singapore ; Sydney : Ashgate, 1999. 256 p.

2. Томонобу В. Кризис морали и проблемы метатехники [Электронный ресурс] / предисл. А. Л. Доброхотова ; пер. с англ. К. В. Бандуровского с поправками Н. Н. Трубниковой. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Imamichi.htm>

3. Там же.

4. Там же.

5. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. И. Окуневой. М.; 2002. 101 с.; Его же. Машина зрения : пер. с фр. СПб. : Наука, 2004. 140 с.

6. Петухов В. В. Эпоха Путина и динамика социальных перемен // Россия реформирующаяся. М., 2008. Вып. 7. С. 353–373.

7. Мониторинговые исследования ВЦИОМ 2004–2006 гг.

8. База данных ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1509 «Общественные настроения и протестный потенциал». URL: <http://wciom.ru/index.php?id=96>.

9. Мониторинговые исследования ВЦИОМ. 2004–2006 гг.